

MY DAKIN

Arnov Vladimir

Vladimir Arnov

МУДАКИ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42647394

ISBN 9785449687975

Аннотация

Казалось бы, стандартная и банальная история переворачивается в интереснейшее повествование, которое держит читателя за яйца: чем дальше, тем сильнее. Приятный, лёгкий слог, необычные обороты речи: «Ветер услужливо стряхивал пепел с моей сигареты». Вместе с главным героем рассказа, Максом, вы невольно переживаете все его взлеты и падения, прослеживаете тончайшие изменения его личности.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	56

МУДАКИ

Vladimir Arnov

© Vladimir Arnov, 2019

ISBN 978-5-4496-8797-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Давайте выпьем за мудаков!

– А че эт за мудаков-то?

– Да потому что на фоне мудаков мы, хорошие люди, прорисовываемся четче.

к/ф «Граффити»

Все случилось в тот солнечный день в Гоа, когда я лежал на пляже в шее и слушал шелест волн Аравийского моря, с силой бивших о берег. В уголку рта тлела самокрутка VD, пепел с которой ветер услужливо сдувал прочь, на столике потела бутылка пива, и жизнь казалась простой, понятной, даже райской. Я не заметил, как задремал, чтобы проснуться от легкого щекотания волос по лицу и последующего следом легкого поцелуя. Когда я открыл глаза, Яна все еще склонялась надо мной. Ровный карамельный загар на худеньких плечах скрывался локонами ниспадающих под силой гравитации волос. Большие темно-голубые глаза с неуловимым фиолетовым оттенком, выделявшиеся на фоне некрупных черт лица, смотрели, как и всегда, двумя Марианскими впадинами, за глубиной которых невозможно угадать, что творится внутри. Уголки тонкой линии губ слегка загибались вверх в легкой, то ли эротичной, то ли насмешливой не то улыбке, не то ухмылке. Я никогда не мог понять эту женщину, не мог разгадать, что она думает. Знаете, как если разгля-

дывать на фото в рекламе. Взглянешь мельком, и кажется, будто люди на ней улыбаются. Будешь вглядываться долго – покажется, что это маска, скрывающая гнев или боль, за видимой притворной улыбкой. С Яной так же. В зависимости от своего настроения, я улавливал в ее, не меняющих выражения чертах лица, то обожание и страсть, то горечь и печаль, то сарказм и насмешку. Наверное, всему виной были эти глаза, они притягивали внимание и не давали сосредоточиться на мимике, которая могла бы рассказать мелкими штрихами о настроении своей хозяйки. Порой я думал, что Яна – просто кукла человеческих размеров. Большие глаза, всегда ровные волосы, кожа без единого изъяна, тонкие пальцы, тонкая же фигурка, длинные ноги, аккуратная грудь, плечи. Она вся казалась фарфоровым произведением искусства, нежели человеком. И в общении такая же: сдержанная, немногословная, никогда не расскажет, что у нее на уме, что ее беспокоит или чем она недовольна. Я думал, что любил ее. Хотя оказалось, что скорее это она позволяет мне испытывать привязанность к ней.

И в этот день все изменилось, в ту секунду, когда она наклонилась поцеловать меня, когда я уловил еле уловимый, тяжелый (как на мой вкус) аромат мужского Балдассарини Амбре. Сначала я не понял, что к чему, и начал разговор в своей привычно сюсюкающей (за которую теперь себя ненавижу) манере:

– Выспалась, соня?

– Не все же любят спать на пляже. Кому-то по душе удобная кровать.

– Зачем кровать, когда есть солнце и свежий ветер с моря?

– Ну, знаешь... – и Яна поднялась, чтобы лечь на соседний лежак, но я взял ее за руку и притянул обратно к себе.

– Что еще? – с легкой ноткой недовольства, как мне показалось, спросила она.

С Яной я познакомился сразу после повышения на работе. Я вкалывал в одной околосударственной конторке, чьи филиалы были разбросаны по всему миру, и которая занималась выкачиванием полезных ископаемых. Начальник отдела пошел на повышение, забрав своего зама с собой. А новый начальник почему-то решил повисить меня. Что странно, потому что впервые на моей практике правило блата не сработало. Работы стало больше, но и денег прибавилось.

Я даже ненадолго уверовал во вселенскую справедливость. Стал снимать квартиру побольше, купил кредитный Форд Фокус (символ принадлежности к среднему классу, если верить рекламным проспектам), приоделся получше.

Где-то в это время на горизонте появилась Яна. Мы познакомились на тусовке моих новых знакомых из «начальственного» круга общения. Хозяин дома представил меня, не без доли иронии, как восходящую звезду НедраОйла и свалил. А я остался, не зная, куда прятать руки и взгляд. Яна учи-

лась на психолога и довольно быстро меня разговорила, тем более что я и сам ничего особо скрывать не хотел. Она задавала вопросы, смотрела на мою реакцию (как я теперь понимаю) и искала перечень моих интересов. Вскоре она нащупала нужные звенья и, подбадривая меня общими вопросами на интересные мне темы, все с той же неизменной улыбкой, слушала, внимательно разглядывая своими большими глазами, подернутыми толстым слоем туши на ресницах.

Она «сдалась» через две недели, а через три мы перевезли ее вещи ко мне. Все прошло быстро, но желанно с моей стороны. Меня быстро выдрессировали на предмет грязной посуды и местоположения вещей, выдали в устной форме расписание любовно-постельных утех (3 раза в неделю) и я зажил условно-счастливой жизнью. Теперь уйти с работы я не мог еще потому, что был не один. Все было идеально, как в фильмах. Идеально и рафинированно, без единой капельки канцерогенов.

Итак, я притянул Яну к себе и, делая вид, что хочу поцеловать ее шейку, вдохнул запах. Сомнений не оставалось – Балдассарини. Интересно, откуда?

– И давно ты мне изменяешь? – в шутку спросил я.

– Я тебе не изменяю.

– Госпожа психолог, вы забыли спросить, с чего я так решил?

Яна молча смотрела на меня. А во мне вдруг проснулась яркая вспышка злобы. Хотелось отхлестать эту куклу по ще-

кам, схватить за волосы и протащить по песку, только чтобы выбить из нее хотя бы одну явную эмоцию! Но я же джентльмен и женщин пальцем не могу тронуть. Черт.

– Стоп. Госпожа психолог не забыла, а специально умолчала, чтобы не подливать масла в огонь, потому что знает о своей вине, ведь так?

Молчание и эти гипнотизирующие глаза, которые теперь, кажется, слегка-слегка потемнели. Или, может, я – художник, я так вижу, точнее, хочу видеть?

– Баладссарини Амбре, откуда он?

– Хотела сделать тебе подарок. Примеряла запахи на своей коже.

Вот теперь я почувствовал себя мудаком, хотя стойте.

– Где? В этой шарашке Ньютонсе? Или у тех вон цыган (я кивнул в сторону выющейся неподалеку стайки)? Ты всегда выбираешь парфюм только в дьютике. И никогда не будешь примерять на себе. Вспомни, как ты отвела мою руку, когда я хотел в шутку «пометить» тебя своим Гермес Терра.

– Потому что это мужланский запах, твой Гермес. Пахнет лесом и рудниками. Мы с тобой последнее время часто ссоримся, и я хотела сделать тебе подарок...

– Такой, какой понравится тебе, – прервал я ее. – Яна, скажи мне честно. Обещаю, что приму это, ведь с кем не бывает.

– То есть ты мне изменял?

– Не уходи от ответа.

– Ответь ты. Изменял?

В это время ее телефон поймал сеть и беспрерывно за- жужжал от принимаемых сообщений. Яна говорила, что хо- чет отдохнуть в Гоа, потому что тут можно найти нирвану, и что она ни с кем не будет общаться, и всех об этом пре- дупредила. Ей и правда при мне не пришло ни одного мес- седжа, а теперь... у нее в телефоне была целая поэма, судя по непрерывному жужжанию.

Мы одновременно посмотрели на телефон. Яна слегка за- кусила нижнюю губу, но тут же опомнилась, и ее лицо при- няло все тот же обычно-привычный вид. Забыл сказать, сек- сом мы занимались только в полной темноте, и если у нее и менялось выражение лица в этот момент, разглядеть этого было невозможно.

– Ну-ка, кто там тебе написывает?

– Никто, – уж как-то слишком беспечно ответила Яна и потянулась за бутылкой моего пива, но увидев, как я нето- ропливо тянусь к ее телефону, тут же поставила ее обратно и вперед меня взяла его со столика. Я тоже рванулся в по- следний момент. Так мы и держали тоненький аппарат каж- дый со своей стороны, не желая отступить.

Расскажи мне кто о той стычке накануне, не поверил бы. Яну я боготворил, думал, что люблю безумно, и безмерно ей доверял. Но тут что-то поменялось. Прежний влюбленный юноша смотрел на происходящее со стороны, выкинутый из своего тела, а вместо него моими руками и головой управ- лял какой-то незнакомый доселе персонаж: цинично-ухмы-

ляющийся и грубый. Настоящее зверье, по мнению выселенного мальчика.

Я смотрел в упор на Яну, Яна смотрела то на телефон, то на меня. Кажется, за ее маской пряталось сейчас смущение.

– Пусти, сломаешь, – процедила она.

– Я покупал, мне и ломать, – ухмыльнулся я.

Она попробовала потянуть сильнее, но тут физика сработала против нее. Гладкая стеклянная поверхность заскользила под ее мокрыми, после контакта с запотевшей бутылкой, пальцами, и телефон остался у меня. Тут же попробовала его перехватить, но я крепко прижал умную машинку к груди. Она пустила в ход ногти, сдирая с меня кожу.

– Яночка, солнышко, что с тобой, детка? – поддразнивал я ее, – ты от долгого сна в душном помещении рассудком тронулась или на курсах психологии тебя так обучили?

– Отдай! – вдруг закричала она.

Люди вокруг увлеченно наблюдали за нашей ссорой – еще бы, такой экшн разбавляет эту райскую пастораль.

– Прочитаю, кто там тебе написывает, и отдам. Успокойся, там же нет ничего такого, да?

– Это моя вещь! Мое личное пространство. Я тебе, кажется, уже говорила, чтобы ты соблюдал это!

– Говорила, милая, говорила... только...

– Ну хорошо! Оставляй его у себя, все равно ты к нему пароля не знаешь.

– Вот и посмотрим, – с елеинейшей улыбкой сказал я и на-

брал нужную комбинацию цифр (сканером отпечатков Яна пользоваться не хотела).

Делал я это, отвернув экран от нее, и когда телефон разблокировался, продолжал делать вид, что пытаюсь подобрать пароль.

Сообщения были премилейшие. Судя по ним, некий Андрей только что провел очередные полчаса с моей незабвенной, как делал это и прежде. Промотав переписку вверх, пройдя вдоль ряда взаимных смайликов-поцелуйчиков и рассказов Яны, как ей было круто (то есть, оказывается, у нее есть эмоции, так все было там *эротично* и чувственно расписано), я зацепил несколько сообщений, типа: «Не пиши пока – мой мудака вернулся». Перейдя сразу в начало переписки, которую услужливый мессенджер скопировал из облака, куда ее грузил старый Янин телефон, я узнал, что начали они общаться за год до нашей с ней встречи. Там что-то мелькало про семью, детей (не Яниных, а Андрея) и длинные простыни текстов взаимных признаний в любви. Эвона как!

– Что ты там делаешь? Заблокировал его мне на сутки, да? – насторожилась Яна.

– Андрей значит, да? Личное не трогать? – начал я, поднимаясь с лежака. Вид у меня, видимо, был грозный, так как Яна стушеввалась. Но потом что-то сообразила и, распрямив плечи, спросила:

– Какой Андрей, ты о чем? Отдай мне телефон сейчас же,

или между нами все кончено!

– Так, дорогая. Пойдем к морю!

– Что? Утопишь меня?

– Зачем так грубо, у меня ни камней, ни бетона, да и свидетелей тут многовато. Хочь тебе просто кое-что показать.

Яна, с видом королевы, поднялась и молча пошла за мной. Я же, дойдя до кромки волн, пустил телефон в море, как пускают в воду голыши. Телефон подскочил один раз, второй, и его захлестнула волна.

– Всего лишь два, – огорченно констатировал я.

– ТЫ. ЧТО. НАДЕЛАЛ?!

– Ой, ты злишься, как это мило, крошка. Тебе так идут поджатые губки. Короче, давай так. Тебя трахал Андрей, но на этом месте мы зарываем в песок топор войны и забываем о наших интрижках. По рукам?

– Откуда ты узнал код?

– Подсмотрел как-то по случаю.

– Так ты все знал?

– Нет, соблюдал твое чертово личное пространство! – начал выходить из себя я, но тут же остыл. У меня была идея получше, но для ее осуществления Яна не должна была ни о чем догадываться.

– Зачем ты утопил телефон?

– Чтобы ты не могла переписываться с Андрейкой, – подмигнул я и, оставив Яну одну, в растерянности, как хотел бы надеяться, вернулся к лежаку, помаhal приветственно рукой

всем свидетелям нашей ссоры и, крикнув на правах звезды сегодняшнего экшн-балета с участием танцующих на волнах телефонов: «Ван будвайзер плиз», – в сторону бара, лег, затеплив от негаснущего на ветру любимого зиппаря новую BD.

Злобы не было, скорее, было радостно. Просто сейчас я понял, что ощущал себя с Яной как нашкодивший щенок, ожидающий очередного удара тапком. Причем косяки мои всплывали постоянно: не так поставил кружку, оставил развод от воды при мытье бокала, забыл о 3 месяцах и 3 днях нашей совместной жизни (это символическая дата, как ты не понимаешь!), подарил сережки как у ее подруги, использую не тот аромат парфюма, ворочаюсь по ночам, посидел с друзьями в баре. Перечень был нескончаем. Если хочешь придраться... короче, свинья везде грязь найдет. Но самый главный мой косяк был в том, что я, в свои-то 26, заштатный зам заштатного начальника заштатного отдела, с, далее дословно, «зарплатой уровня дворника».

Я не собирался прощать Яну, потому что не держал на нее зла. Была досада на себя, глупого и незрелого юнца, каким, судя по всему, остался до сих пор, который позволил вертеть собой, как бананом в лапах обезьянки.

Я не заметил, когда Яна ушла. Я лежал и неторопливо сопоставлял факты. В далеком прошлом копать не было смысла, недавние события и так были более чем красноречивы. Она настояла на Индии, хотя я звал ее отметить 14 фев-

раля в романтическом Париже. Она настояла на Гоа, хотя я хотел отправиться в менее заезженную Кералу, о которой мне рассказали в моем любимом турагентстве. Она безапелляционно заявила о том, что жить мы будем на юге, пусть там и скучно. И еще она обязательно хотела жить недалеко от отеля Рэдиссон Блю. И это было важной зацепкой. Мы поселились в менее понтовой Донне Сильвии, хотя я предлагал взять тот же Рэдиссон, раз уж он так Яне мил. И еще она настояла на определенной дате вылета и определенной продолжительности по ночам. Хотя мой менеджер убеждал меня взять тур на день раньше, что сэкономило бы мне тысяч 35.

И значит, история выходила такой. Андрей летел в Гоа, вероятнее всего, с семьей, в отель Рэдиссон. Яна решила, пусть и частично, провести отпуск с ним. Теперь она, наверное, пойдет искать его в Рэдиссон, и я могу посмотреть на Андрея, а заодно заложить его семье. С другой стороны, я такой мягкосердечный болван, что мне жалко. Не Андрея, нет, этот мудака спал с моей девушкой, наставлял рога жене, предавал детей, и в паре увиденных мною сообщений насмеялся надо мной. Будь даже я на его месте, я бы не стал так поступать с конкурентом, не стал бы поносить его нехорошими словами. Все-таки дух джентльменства во мне сильнее и не позволяет насмеяться над поверженными врагами, к тому же ни за какие коврижки не стал бы изменять и предавать свою женщину.

А вот кого мне было жаль – так это жену Андрея и его детей. Если они узнают с моей подачи о том, каков их батя, это нанесет им непоправимый вред. Андрей же трахал мою Яну несколько лет и не палился, пусть все остается как есть. В пах его я бить не буду. А вот Яне доходчиво объясню, почему нельзя так цинично насмеяться над своим, пусть и нищим, но все же спонсором.

Я лежал, смолил очередную ВД, смачивал горло будвайзером и прорабатывал в деталях план мести. К счастью, паспорта и деньги лежали в локере на ресепшене, а ключ от локера был только у меня. Так что, если я ошибся, и Яна не отправится первым делом рассказывать обо всем Андрею, а пойдет резать мою одежду, серьезного урона она не причинит. С кредиткой и гоашными ценами могу возобновить весь свой гардероб в два счета.

Чего я не ожидал, так это того, что гора придет к Магомеду. А она таки пришла. Точнее, две горы: поменьше – Яна, побольше – Андрей.

Я в тот момент опять задремал, разнеженный жарой, как вдруг очутился на песке, а поверх меня, стукнув деревянным углом в морду, упал лежак.

Я подскочил, стирая какую-то струйку, побежавшую по лицу (с кровью всегда так – в первые секунды не понимаешь, что это кровь), и увидел насмешливо смотрящую Яну, стоявшую скрестив руки на груди, и мужика, на голову выше меня. Почему-то взгляд в первую очередь цеплялся за его

волосатые руки.

– Ты, **ять, о*у*л? – закричал мужик. Голос его странно диссонировал с внешним брутальным образом, услышав его по телефону, я решил бы, что такой высокий тембр принадлежит гомосеку.

– Это ты, **ять, о*у*л! Ты вообще кто?

– Тебя это не касается, *разь! Быстро вернул телефон девушке!

– Аааа, – начал понимать я, – Андрей! Приятно познакомится, у*бище ты *удозвонское.

– Что ты, *лять, сейчас сказал?

– Глухой что ли? – говорил я, усмехаясь, но внутри меня все дрожало. Странно, что тремор рук и ног в этот раз унимать не пришлось.

Отдых на этом пляже уже был безнадежно испорчен, струйка красной жидкости из рассеченной брови (откуда она вообще там взялась, там же кожа и кость?) проторила себе дорожку в глаз, и все, что мне оставалось, слить этого *олбодятла как можно быстрее. У меня появился новый объект для мести. Я раззадоривал Андрея как мог. Суть была в чем. На спящего человека проще напасть, как это случилось со мной. Когда же намечается реальная драка, каждая сторона все же немного колеблется, а вдруг... тем более свидетели кругом как-никак. Так что Андрей просто напирал на меня, пока еще не решив, повторить атаку или нет, а мне того и было нужно. В детстве меня обучили двум приемам:

как заламывать кисть руки и как отбиваться от не в меру ретивого противника, если на кону стоит что-то весомое. Перехватить руку Андрея для залома я не рассчитывал, но когда он приблизился ко мне вплотную, так, что я стал ощущать его зловонное дыхание, я сделал шаг назад, уходя на всякий случай с линии атаки его правой руки (я предполагал, что он был правой, как и большинство людей), образуя между нами немного свободного пространства. Андрей инстинктивно подался вперед, чем нарушил свое равновесие – наклонившись назад удержать равновесие проще, чем наклонившись вперед, схватил его за уши (он перехватил мои руки, но было уже поздно, видимо, мой вид и в правду был не боевой, и он не ожидал подвоха), после чего резко рванул его голову вниз на свидание со своим поднимающимся коленом. Удар пришелся вскользь, но, видимо, болезненно; и еще у меня был маленький козырь – после удара я распрямил ногу до конца, и пальцами ног – скорее голенью, хотя разглядеть было сложно, а заболела разом вся нога, – я захватил Андрея по яйцам и быстро отскочил назад, так как он отпустил на долю секунды мои руки. Отскакивая думал, что у Андрея реакция получше, ведь у всех, кто дрался на улице, есть инстинкт: ударили по яйцам – бей в ответ, хотя бы один удар. Но Андрей просто нелепо шмякнулся мордой в песок. Поднимаясь, отплевываясь и немного пошатываясь, он двинулся на меня. Но тут подоспели сотрудики шека. Меня они знали как клиента, который оставляет неплохие чаевые, Ан-

дрея – нет. Когда его вытаскивали прочь, тот отбивался, матерился и кричал, что мне по возвращении в Россию будет пздц, и что с работы я вылечу как пробка из ж*пы. На счет последнего я не понял, что это за странный оборот речи.

Мне принесли влажное полотенце и еще одну бутылку пива (за счет заведения). С дальнего ряда лежаков раздалось: «Гыыы, во парень молоток!» – я шутливо поклонился в сторону восхвалителя, прилег, осушил бутылку в пару глотков, дорихтовал в голове план мести и отправился в отель. Перед глазами все еще стояло лицо Яны, с презрением и гневом смотрящее на меня. Она увела Андрея, прижавшись к нему и кинув мне напоследок: «Подонок».

Первое, что я сделал, придя в номер – быстро собрал свой чемодан, комками покидал шмотки в Янин. Хотел сначала их вообще выбросить, но потом решил, что с нее станется заявить на меня или на персонал отеля о краже. А мне жертвы среди гражданского населения ни к чему, это моя тропа войны. Но кое-что я все-таки сделал – разломал несколько картриджей с чернилами от перьевой ручки и утяжелил ими чемодан Яны, плюс случайно уронил туда открытую банку с бензом для Зиппы. Получилось артхаусно. Знаю, что такое поведение не достойно советского самурая, но я – художник в душе, я так вижу. Оба чемодана отнес к стойке регистрации. Янин чемодан и паспорт оставил до востребования, случайно нарисовав на ее индийской визе крестик, Янину кредитку случайно сломал в четырех местах, не специально,

но очень старался. После аннулировал бронь, пояснив, что знаю, что мне вряд ли за это что-то вернут, и вызвал такси. Подъехавшему таксисту пообещал пять тысяч рупий, если он подождет меня возле Рэдиссона и после отвезет меня в Северный Гоа, в качестве гаранта оставив свой чемодан. После я, отвалив щедрые чаевые на стойке регистрации, попросил в случае вопросов на мой счет, сказать, что я ушел из отеля пешком в неизвестном направлении, и направился в Рэдиссон на рыбалку. Вселенная ко мне благоволила. Яна сидела в холле отеля, но меня не заметила. А вскоре в холле появился наш отец семейства. Он дошел, незаметно кивнул Яне, и она встала. Андрей пошел впереди, Яна в десяти шагах за ним. Я проследил: они вышли на пляж и обосновались в шеке на небольшом удалении от Рэдиссона. Перед началом слежки я подошел к сотруднику ресепшена и, протянув ему 500 рупий, попросил рассказать, в каком номере живет во-о-он тот джентльмен. Джентльмен жил в номере 404.

От шека бегом отправился в Рэдиссон, нашел номер 404, постучал.

Дверь открыла заспанная женщина лет сорока, со следами увядшей красоты. Я ее особо не разглядывал. Просто показал фотку Яны и сказал, что ее муж сейчас с этой девушкой в том-то шеке. И скорым шагом пошел назад.

– Постойте, кто вы?! – догнал меня гневный окрик. Я обернулся.

– Бывший парень Яны. Судя по всему, они с вашим мужем

встречаются уже 3 года. Делайте с этим что хотите. Удачи!

И весело помахав ей рукой, бегом спустился по лестнице вниз. Таксист не подвел. Я запрыгнул на заднее сиденье:

– Шеф, трогай!

– Sorry, what?

– Go-go-go, fast, please, Kalangut! – и протянул заранее отсчитанные две с половиной тысячи рупий. Таксист улыбнулся и рванул с места.

По дороге меня сильно мутило. Я уж начал подумывать, что заработал сотрясение. Нога болела от колена и ниже. Несколько раз засыпал, убаюканный видом нескончаемых мясисто-зеленых джунглей и низких гор. Проснулся в очередной раз, когда мы проезжали по длинному мосту. Спросил у таксиста:

– Это Ганг?

Он рассмеялся и сказал, что сейчас мы проезжаем мимо Панаджи над речкой Мондови.

Весь мой прежний боевой пыл угас. За выплеском адреналина последовало неприятное похмелье. Правильно ли я поступил? Почему дал себе взорваться? Ой, стыдно-то как! Зачем? Нужно было просто уйти в закат, гордо подняв голову. И Яна, я же люблю ее! Я же мог отбить ее у этого Андрея, а теперь все мосты оборваны, она не захочет со мной разговаривать! Что же я наделал... Идиот! Кретин! Хотелось ударить себя по голове, но было стыдно перед таксистом, так что

я незаметно тюкнул себя костяшками пальцев по лбу и успокоился. Чувствовал себя раздавленным со всех сторон. Только если Яну был готов простить, то себя – нет.

Таксист спросил, куда конкретно мне нужно попасть в Калангуте. Я попросил отвезти меня в любой недорогой отель, поближе к морю. Тот кивнул и снова сосредоточился на дороге. Я старался не смотреть вперед, потому что страшно становилось от тех немыслимых маневров, которые водители совершали на дороге в этой стране. Видимо, идея перерождения плохо сказалась на них, внушив лихачам, что они бессмертны.

Под конец пути я заметил магазин у дороги и попросил ненадолго остановиться. Там взял пластиковую бутылку рома Олд Монк и приглянувшуюся мне металлическую фляжку. Когда пригубил огненной воды на выходе из магази, ко мне вернулся «трезвый» рассудок, как я его называл. «Трезвый» рассудок объяснил мне, что я со своими соплями полный мудака, что поступил правильно и что Яна еще легко отделалась. «Нет, еще не отделалась», – ухмыльнулся я своему отражению в стекле машины и по приезде в отель (странная халупа с облупившимися стенами, со следами плесени и складом какого-то мусора вместо ресепшена) сделал еще одну вещь: списался со своим турагентом и аннулировал всю нашу индийскую бронь целиком, вместе с билетами. Посмотрим, как Яна выкрутится без денег, отеля, билетов и с запоротой визой.

Номер оказался в целом неплох. Третий по счету, который мне показали. Дверь почти целая, кондей дул на обогрев, но индеец постучал по нему ручкой от швабры, и тот передумал проказничать. Постельное белье было серым, но, во всяком случае, без желтых пятен, как в предыдущих комнатах. Ванная комната на удивление приличная. К номеру прилагалась ящерка, сидевшая под потолком. Увидев, как она съела какое-то крупное насекомое, решил – пусть остается, не буду ее выгонять и, не раздеваясь, упал на кровать, отрубившись мигом.

Выспавшись, я вышел из отеля. Мне было все равно, чем заниматься, лишь бы не сидеть в четырех стенах, потому что от этого тянуло поговорить самому с собой. И все темы неизменно приходили к Яне. Плюс ко всему, от запаха плесени в комнате мутило и тянуло ихтиандровать. Карман приятно оттягивала новенькая фляжка, заполненная ромом.

На улице к тому времени уже стемнело, и тротуары пугали отсутствием человеческих тел и наличием большого количества коровьих туш с огромными рогами. Нам говорили, что коров бояться не стоит, мол, они мирные, но кто их знает на самом деле, тем более, у них такие рога и такие копыта. Кстати, забавно. Яна осталась на юге, а на юге я видел только свиней. А я теперь на севере и тут только коровы.

Шел вперед, морщась от яркого света встречных авто и скутеров, жалея, что не прихватил поляризованные желтые

очки, которые купил в один день с Фордом – они бы мне сейчас здорово пригодились. Нога все сильнее ноюще-тянущей болью напоминала о стычке с Андреем. Не встретив ничего интересного, кроме облезлых хибар и одной удивительно чистой пиццерии со стеклянными стенами, решив, что с меня довольно, повернул назад. Где-то в районе той же пиццерии мне на встречу попался байк. Он ничем не отличался от остальных, за исключением того, что остановился передо мной. Я внутренне напрягся, стараясь увидеть, кто за рулем, глядя в упор на яркую фару. Фара потухла. На байке ехала странная компашка: двое индийцев и посередине между ними белая девушка.

– Сорри, мэн, сорри – извиняющимся тоном обратился ко мне водитель по-английски: «Вы говорите по-русски?»

– Да.

– Тогда вы не могли бы объяснить, что она от нас хочет и почему плачет? – на этих словах индеец указал на слезшую к тому времени девушку.

– Вы из России? – обратился я к ней.

– Да, из Москвы, – девушка и правда плакала, утирая слезы, и за ее всхлипами я не сразу понял, что она пьяна.

– Что случилось? Расскажите?

Весь рассказ занял минут пятнадцать, с перерывами на плач и слезы, и сводился к тому, что девушка возвращалась из бара на такси, выпив всего бокальчик пива (нехилый такой, видимо). Уже когда машина отъехала, она вдруг по-

няла, что забыла на заднем сиденье свой айфон последней модели, который только вышел. Но главное не телефон, она завтра может купить хоть сто таких, главное – фотографии ее ребенка, с которым злобный бывший муж запретил ей видеться. Эти фото, мол, и были ее главной связью с родной маленькой кровиночкой. Поэтому она выбежала на дорогу, остановила этих индийцев и скомандовала им гнаться за такси. Но ввиду наличия языковых барьеров (те не знали русского, она – английского), они упустили машину.

Я обрисовал ситуацию на английском индийцам. Те смущенно покивали, добавив, что она машет руками, задавая направления уже два часа, и у них кончается бензин, и спросили, нуждается ли леди еще в их услугах. Я спросил у девушки, где она живет, она назвала отель, соседствующий с моим. Отпустив индийцев и вручив им какую-то бумажку рупий, за что те были мне безмерно благодарны, я предложил девушке свои услуги проводника.

– Но ведь телефон! Мы должны найти его! – завопила она, резко отстраняясь и чуть не падая назад, когда я попытался слегка придержать ее за плечо. – Там фото моей Машеньки! Ты, тупой идиот!

Оскорбление пропустил мимо ушей, дождался, пока она выплечется в новом заходе истерики, и объяснил, что раз она не помнит номер такси, то искать его сейчас не имеет смысла. Должна была разразиться новая буря, но тут я вспомнил об одной вещи: яблофон сохраняет данные в об-

лаке. Не знаю, по какому принципу он выбирает для этого файлы, мне как-то Яна об этом рассказывала, сам-то я люблю Самсунги. Пошевел об облаке девушке, и та мигом успокоилась и заговорила совсем другим тоном. В отель она возвращаться не хотела, а хотела, чтобы я сводил ее перекусить.

«Ну, хоть такая компания, все лучше, чем ничего», – решил я про себя и повел девушку в ту пиццерию.

На кассе я попросил что-нибудь не острое, и услужливый кассир пробил самый дорогой кусок теста с сыром, какой у них был.

Пока мы ждали заказ, девушка рассказывала мне что-то о своем ребенке. Какая та хорошая и замечательная. Задавать вопросы не решался, а просто погрузился в свои мысли, воспринимая ее слова фоном и разглядывая спутницу. На вид лет 30, может больше. Балахонистая выцветшая кофточка из просвечивающей ткани, за которой был виден купальник, с открытыми плечами, местами темными, местами белыми после слезшего от солнечного ожога загара. Пухлые губы могли бы украсить лицо, если бы его не портил слишком крупный нос «картошкой». Какие-то блекло-голубые плоские глаза, невнятный подбородок, все это обрамлено жидкими, пепельного цвета, волосами, носящими след былой завивки. Я бы не назвал ее страшной, я бы назвал ее обычной и слегка потасканной. Звезд с неба она явно не хватает, хотя, видимо, считает, себя красавицей, чему способствует внимание мужчин к ее груди немаленького размера.

Я и сам то и дело поднимал невольно падающий вниз взгляд, чтобы ненароком не смутить ее, но пару раз она перехватила его и я, кажется, покраснел. А потом нам принесли пищу. Девушка, имя которой, кстати, так и не спросил, откусила маленький кусочек и сказала, что наелась.

– Вы могли бы проводить меня до отеля, а то я не знаю дороги? – жалобно сказала она, сначала потупив взгляд, а потом посмотрев на меня как-то снизу вверх.

– Да, конечно, на улице темно, к тому же нам идти в одну сторону.

На входе в отель она попросила проводить ее до номера, потому что там темный и страшный коридор. А войдя в номер, попросила зайти, потому что там может прятаться какая-нибудь живность, которой она жутко боится.

Признаюсь, не понимал тогда, к чему это все ведет, и чувствовал себя скорее гордым джентльменом, бескорыстно помогающим даме в беде. Убедившись, что в номере ничего нет, я засобирался и повернулся в сторону выхода со словами, дескать, уже поздно, пора идти, не хочу вам мешать. Девушка, стоявшая перед дверью, облокотилась на стену, чтобы пропустить меня, задев выключатель. Естественно, свет погас.

– Ой, я такая пьяная, вы меня простите, пожалуйста, и спасибо вам большое. Никак не могу найти выключатель, вы мне не поможете?

Пытаясь нашарить выключатель, я задел ее бедро.

– О-о-о, вы хотите воспользоваться девушкой в таком положении? – игриво спросила она.

– Нет, что вы, я случайно, – сильно смутившись, начал оправдываться я.

– Какой вы галантный! Вы мой рыцарь, вы спасли меня от тех дикарей! – томным полупшепотом продолжила она. – Эти дикари хотели изнасиловать беззащитную девушку и убить ее, а вы ее защитили. Вы такой заботливый, – тут она неуклюже положила руку мне на спину и начала поднимать ее выше, пока не нашарила шею, и затем поцеловала меня.

Поцелуй был так себе – она слишком сильно открывала рот, будто хотела проглотить меня.

Я за свою предыдущую жизнь не встречал такого. Не, конечно, друзья рассказывали о девушках, которые сами набрасывались на парней, но все, кто встречался мне, требовали длительной осады с ухаживаниями и цитированиями Бодлера.

Решив, что она просто пьяна и не понимает, что делает, отстранился и глупым тоном сказал, что этого не стоит делать, что она будет жалеть на утро, ведь... но меня прервали и сказали, что порядочная девушка обязана отблагодарить своего спасителя. Сейчас я отвечаю себе мысленный фейспалм за все свое предыдущее поведение и за то, что не понял всего с самого начала. Но тогда все это казалось мне жутко неправильным. Ровно до тех пор, пока не настало возбуж-

дение.

«Я мужчина, она женщина, даже сама набрасывается на тебя. Фри секс. Ты один, никому не изменяешь. Что тебе еще нужно чувак? – проснулся голос во мне, заткнувший ботаника-зануду. – Ну а то, что не самая красивая, так глотни рома и не включай свет!»

Короче, я ответил на ее поцелуй, отвел к кровати, достал из кармана фляжку. Глотнул сам, предложил своей новой пассии (та даже не закашлялась, в отличие от меня), и дальше нас накрыла ночь, как сказал бы романтик.

Но это было ни разу не романтично. Я чувствовал себя скорее как главный герой картины «Бобер и дерево». С той лишь разницей, что дерево неестественно громко стонало и кричало, и порой издавало звуки, будто его сейчас вырвет. И все это длилось целую вечность. Под конец я начал представлять на ее месте Яну, попытался абстрагироваться от звуков. Во мне открылся сундучок с тонной злости, которая сделала меня грубым и жестким.

Когда все закончилось, она быстро отрубилась, а я, в темноте собрав шмотки, не найдя только один носок, отправился к себе.

Несмотря на то, что все прошло отвратительно и ужасно, чувствовал себя на подъеме. Оказывается, секс – отличное лекарство против депрессии, каким бы он ни был. Дайте мне сейчас дюжину Андреев и пускайте их ко мне по очереди, и я им всем морду набью! Тем не менее, в номере меня быстро

сморил сон.

Утро я встречал уже другим, изменившимся, что ли. Небрежная походка, прищурено-изучающий взгляд, ироничная ухмылка (только одним уголком губ), руки наполовину в карманах.

Я надел брюки, белую рубашку, которую расстегнул на три верхние пуговицы, и закатал рукава. Бриться не стал.

Напевая под нос «сегодня твой день и победа твоя», я вышел из отеля, покачнулся на пятках, оглянулся, выбирая направление, и увидел приближающуюся девушку, героиню вчерашней ночи. «Черт, я с ней спал и даже не удосужился имени спросить!» – расхохотался я про себя.

Та прошла мимо, стрельнув в мою сторону заинтересованно глазами, я проводил ее взглядом.

– Фух, кажется, пронесло, можно не менять отель! – подумал про себя.

– Простите, – она возвращалась, – откуда-то вас знаю.

– Знаете, ведь я забыл вчера у вас носок – ответил я.

– Ой, да, так это мы с вами? – она притворно смутилась. Я прямо кожей чувствовал фальшь этого смущения. – Позавтракаем вместе?

Я чуть было не сказал «да», хотя предполагал изначально ответить в той же залихватско-наглой манере, что-то типа: «Не сегодня, детка». И в итоге, бросив коротко: «у меня встреча», поспешил удалиться, скрывая смущение.

– Все-таки придется менять отель, – подумал я, тайком

ухмыляясь и на ходу доставая бутылку рома из кармана.

Глава 2

*Этот гад еще трахнет крышку своего гроба,
пока его будут закапывать.
«Блудливая Калифорния»*

– Главное для любого мужика – это уверенность. Нет ничего этого важнее. Не важно, что ты делаешь: идешь за пивом, удовлетворяешь женщину или правишь империей. Все дело именно в ней, в уверенности.

Так рассказывал мне мой случайный знакомый, с которым случайно пересекся на пляже.

Выйдя из отеля, я прошел метров пятьдесят, может, сто, и нашел ресторанчик с необычным для Индии названием «Классика», или точнее «Классик», название же было на английском. Там подавали неплохую пасту из морепродуктов и ананасовый фрэш. Перекусив, я пошел назад в отель, но не дошел: купил у уличных торговцев купальные шорты с тапками, переоделся тут же на задворках палатки, хотя всем, наверное, на мои голые тела было откровенно наплевать и можно было сильно не прятаться, и двинул в сторону моря. Дорога заняла минут десять.

На пляже я попробовал искупаться, но волны были намного мощнее, по сравнению с югом, так что после третьего или четвертого вала, который сбил меня с ног, я почувство-

вал, как затрещала спина, и решил не рисковать покамест состоянием своего позвоночника – авось, паршивец, на что-нибудь еще и сгодится.

С целью экономии денег, я решил устроиться не в шеке, а прямо на песке поодаль. И почувствовал себя, как Мекка или Иерусалим. Ко мне тут же открылась тропа из хворых и убогих мира сего. Первыми на разведку отправились три бродячие собаки. Как мог я игнорировал их, но когда слюняво-вонючие носы полезли ко мне в морду, я не стерпел и громкими матами попытался отогнать их. И зря говорят, что мат животворящий творит чудеса. На потеху окрестной публике я скакал на месте, пытаюсь силой крепкого слова отогнать животных, но те вдруг осмелели и начали скалить на меня зубы. Видимо, дело не только в том, что ты говоришь, но и в том, как ты это говоришь.

Худо-бедно, но с собаками я разобрался. Те, видимо, поняв спустя минуты, показавшиеся мне вечностью, что ничего съестного от меня не добиться, если не считать худосочных ляжек и прочей требухи, что скрывается под грудной клеткой, которые в совокупности не стоят и ломаного гроша, свалили искать добычу посочнее.

И тут ко мне начали подваливать цыгане с цыганками, торговцы всех мастей. Мне предлагали купить слона, купить сари, купить яхту... в какой-то момент я не выдержал и, вопреки советам моего прежнего гида, прервал молчаливую оборону и ответил: «Нет, не надо!»

И понеслась!

Как оказалось, до той поры торговцы не демонстрировали мне агрессивного маркетинга своего, а были покладисты, аки агнцы Шивины, теперь же две цыганки скакали вокруг меня, плясками своими поднимая в воздух песок, и наяривали: «Массаж-массаж-массаж».

– Чо, мля? – попытался я спросить как можно грубее.

Цыганки тут же уселись, скрестив ноги по-турецки в непосредственной близости от моей тушки, и заладили акапелла:

– Массаж! Демо-версия бесплатно! Массаж!

Как показал дальнейший блиц-опрос, ничего, кроме «демо-версия бесплатно», по-русски они не знали.

Я решил бороться с проблемой иначе и-и-и... предложил им купить свои очки. Всего за тысячу рупий. На самом деле, очки не стоили и пятидесяти рупий – потертый RayBan. «Может, RayBan?» – спросите вы, и я отвечу: «не, именно RayBan, так на них и было написано белой краской, тоже почти стершейся. И куплены они были по случаю скидочной акции за два лата в рижской Максиме».

Цыганки повертели очки в руках, поцокали языками и сказали: «Сто рупий».

Я ответил: «Не, так дело не пойдет. Тысяча и ни копейкой меньше».

– Окей, – ответили цыганки, – расчет получишь массажем, демо-версия бесплатно.

– Не, оплата наличными или кредит кард.

Так мы торговались еще минут десять, пока цыганки не отвалили, бормоча что-то вроде: «Крэйзи факин рашн».

Оглядевшись по сторонам, я понял, что стал главной достопримечательностью окрестного пляжа. Не исключаю, что в близлежащем шекке делали ставки на то, кто победит: я или собаки, я или цыгане, ну а что еще делать, когда жарить свою филешку с обвислыми боками на сочно-горячем ветерке, дующим с Аравийского моря?

Поняв, что следующей волны психической атаки со стороны цыган, коров, котов или Шива-знает-кого-еще я уже не выдержу, переместился в шек, взяв сразу по прибытии бутылку будвайзера.

– Как ты отвязался от этих цыган? – спросил меня сосед по лежакам.

Не то, чтобы мне общение сейчас было неприятно – мне не терпелось поделиться историей своей маленькой победы в подробностях с кем-нибудь еще. Но для проформы сделал вид, что очень утомлен и устал, и ответил с ленцой, дескать: «Предложил им купить свои очки за 1000 рупий, они почти согласились, но потом отказались».

– О как, да ты натуральный псих.

– Че это?

– Ну, нормальный человек уже давно бы лег тут и горя бы не знал. А ты эвона как. Зачем на песке-то решил разместиться?

– Да захотелось че-т, – ответил я и, будучи оскорблен до глубины души таким эпитетом, как псих, перевернулся на живот, подставив тени от зонтика свою спину. Но потом понял, что лежа на животе пиво пить неудобно, и вернулся в прежнее положение.

– Игорь, – все не унимался мой сосед.

«Шмигорь», – чуть было не ответил я ему в рифму, но вовремя поправился, – Максим.

– Давно тут?

– А ты иммиграционный контроль, что ли?

– Да че ты быкуешь, нормально же общались. Один я тут, скучно.

– Эвона как! Так бабу найди себе, че ко мне-то клеишься?

– Бабу вечером найду, а шас пообщаться охота, – с каким-то подкупающим простодушием ответил Игорь.

– Ну, давай пообщаемся.

– Тогда по рому; эй, человек-челдобрек, ту рам, плиз, фо ми унд майн френд.

Официант шека на удивление понял эту русско-английско-немецкую тарабарщину и принес пару стаканов и отдельно бокал со льдом.

Вот так мы и познакомились. Когда напряжение от всех вышеперечисленных сражений спало, я понял, что зря нагрубил неплохому, в общем-то, человеку, ромом тут меня поит на халяву, но извиняться, естественно, не поспешил. Хватит с меня прогибаться под других, в конце концов, кому

общение нужно: мне или Игорю?

– Ты откуда родом? – спросил Игорь.

– Пффф, с планеты Земля, естественно.

– А, умник, с Москвы, что ль?

– Типа того, а ты?

– А я... что я, голь перекатная, то тут, то там...

– С Колымы то есть? Или рудников сибирских?

– Хех, типа того.

В таком ключе продолжался наш дальнейший разговор. Ни я, ни Игорь не спешили откровенничать и раскрывать о себе мало-мальски важные части биографии. Я чувствовал: что-то тут было не так. Каким-то слишком уж наигранно-простодушным пытался показаться Игорь. Нет, речь у него была вполне себе соответствующая: и мелкая моторика, и то, как он жестикулировал, и прочее – все это говорило о том, что передо мной простоватый мужик, решивший оторваться на чужих берегах. Но вот взгляд такой изучающе-внимательный, в котором за легким налетом иронии скрывалось что-то суровое, строгое. В его взгляде порой сквозил и ветер севера, и холодная сталь настоящей мужской работы, и что-то еще... пустота какая-то, вроде.

– А ты не так уверен в себе, как пытаешься показать другим, – прервал вдруг наш бессмысленный обмен словами Игорь.

– Опа, и че?

– Да, в тебе есть какие-то зачатки уверенности, – замявшись на секунду от моего «и че», продолжил давить Игорь, – но на самом деле ты жутко боишься.

– Чего боюсь? – возмущенно спросил я, переворачиваясь на бок, приподнимаясь на локте.

Игорь лишь усмехнулся и сделал знак официанту повторить наши напитки.

– Все мы чего-то боимся. И ты, и я. (Я)

– Да, всё так. Но кто-то умело прячет свой страх. А кто-то не умеет – (Игорь)

– А я?

– Ты сам можешь ответить на свой вопрос.

– Я умело это прячу!

– Значит, так и есть, – флегматично отозвался Игорь и пристально посмотрел на меня. – Главное для любого мужика – это уверенность. Нет ничего этого важнее. Не важно, что ты делаешь: идешь за пивом, удовлетворяешь женщину или правишь империей. Все дело именно в ней, в уверенности.

– Пожалуй, соглашусь.

– Пожалуй? Ты это серьезно?

– Конечно, ведь это ж какой удар для моего самолюбия – соглашаться с другим человеком.

– А ты все же в теме, – усмехнулся Игорь и отвлекся на принесенный ром.

– Естественно. Я же такой, как и все остальные.

– Может, и так, – рассеянно ответил Игорь, потому что мысли его были где-то в стороне от нашего мини-клинча. – Ты в детстве любил плавать?

– Конечно, все ж любили! Речка, пруд, жара, прохладная водичка.

– А вы прыгали так: залезаешь на плечи товарищу и оттуда сигаешь в воду?

– Эм-м, наверное, да.

– Мне всегда было интересно, а какого это – прыгать в высокую волну.

– Пошли проверим, че мы, не мужики, что ли?

– Хех, пойдём!

И следующий неопределенно долгий, но явно весомый по продолжительности на фоне сегодняшнего дня, отрезок времени мы провели, сигая в высокие волны, непробиваемыми стенами валившими на нас.

Давно я так не отрывался; последний раз, наверное, на втором-третьем курсе универа, когда было еще не зазорно побеситься, покидаться снежками, побороться в шутку или срубиться в царя горы.

И где я свернул не туда, что меня теперь окружают сверхсерьезные люди, которые позабыли о простых и незатейливых радостях жизни?

Уставшие, но жутко довольные мы вывалились на берег под вой мегафона, установленного на красном джипе спасателей, курсировавшего туда-сюда по пляжу и предупреждавшего о том, что сегодня в море купаться нельзя – опасно.

– Надо будет повторить!

– Обязательно!

– Я щас в отель...

– Куда?

– Ну, отель – в отель по-русски.

– А-а-а.

– Подтягивайся в «Классику» через пару часов, бухнем!

Знаешь, где это?

– Знаю! Заметано!

Игорь ушел, а я остался обсохнуть на ветру. Оранжевая побрякушка солнца трудно различалась через пепельную дымку и не вызывала того пиетета, с каким принято говорить о солнце в закатной стадии. Волны становились все выше, по берегу потянулась редкая цепь рыбаков или кого-то там еще, забрасывавших на веревке какие-то сачки с верхом из той же сетки в прибрежную воду и резко вытягивавших их наружу.

Гид рассказывал, что среди миллионного пантеона индийских богов есть один злоред, который отвечает за то, чтобы хватать бедных индийцев за пятки, стоит им зайти в мор-

скую воду. Оттого индийцы в море не купаются и предпочитают неизведанным пучинам загаженную жидкость бассейнов. Им же хуже.

В отель я вернулся приподнято-разбитый. Сказывалась усталость от скачек по волнам, но драйв от активного отдыха, тем не менее, не отпускал. Плюс, наверное, сказывалось снижение уровня алкоголя в крови: когда я начинал трезветь, меня тут же пробивало на сон.

Наскоро помывшись холодной водой (кран под тепленькую тоже предусмотрен, но в ответ на поворачивания барашка из трубы доносилось только злобное шипение, наверное, одного из миллиона божеств, отвечавшего за отключение горячей воды), я выкурил на балконе сигаретку, пересчитал наличность в сейфе, положив в карман пару бумажек по тысяче и ворох мелочи, и отправился на улицу.

В ресторан было идти еще рано, так что я решил зайти в крупный супермаркет неподалеку, принадлежавший сети Ньютонс.

В Ньютонсе меня настигло сожаление: я так отчаянно торговался с продавцом в палатке, когда покупал шорты и тапки, и был так горд собой, что сбил цену почти втрое, но в Ньютонсе прямо следом за входом обнаружили точно такие же шорты и точно такие же тапки, только в два с половиной раза дешевле, чем я купил их днем после торга.

Но мое разбитое сердце мигом склеилось. За стеллажа-

ми с пляжной одеждой увидел ряд сувенирки: благовония, деревянные слоны, магнитики, но мое внимание привлекла она! Фляжка! Тонкая, но вытянутая, обернутая в мягкую кожу и с удобной крышкой! Всегда о такой мечтал! Ее можно удобно спрятать под одеждой, и в нее может влезть немалый запас топлива для веселой жизни.

Улыбаясь, как идиот, я пошел на кассы с флягой, колой и тремя бутылками рома OldMonk по 0,7 каждая.

Фляжка обошлась мне в сущие копейки, едва ли не по цене пузыря выпивки. И бонусом к ней, оказывается, прилагалась воронка для удобной заправки! Представляете?!

Дрожащими от радости, вперемешку с возбуждением, руками я заполнил свое новое приобретение до краев универсальным коктейлем ром+кола, намешав его пожестче и, нацепив все ту же универсальную белую рубашку и удобные брюки, двинул в сторону ресторана.

В «Классике» Игорь сидел не один. Когда я оглядывал зал, задав себе программу «найти одинокую спину или морду моего нового знакомого», пять раз пропустил его. Только когда одна из девушек за столом Игоря помахала мне рукой (видимо, по его просьбе, этому ж мачо, наверное, махать было не с руки), опознал нужное для посадки место.

– Дамы, – вежливо кивнул головой я, подойдя ближе в сто-

рону двух девушек, – Игорь, – еще один кивок, – разрешите усталому путнику присесть.

– Да садись ты уже! – хлопнул меня по спине Игорь.

– Я Вера, – с улыбкой до ушей и ярко светящими, от выпитого алкоголя и радости от приятного вечера, глазами представилась мне худенькая русая девчонка с прямыми волосами, которые под воздействием влажности воздуха уже начали виться в кудряшки. На ее хрупко-кукольном личике ярко-красным акцентом выделялись алые на помаженные в несколько слоев губы. Не скажу, что не красиво, но целовать такое можно только после предварительной обработки салфеткой. Пока она представлялась, Игорь чуть заметным перемещением стула подвинулся к ней поближе.

«Ок, намек понял», – подумал я про себя.

– Ира, – протянула мне руку для поцелуя вторая девушка. Взглянув на нее со стороны, я бы не сказал, что она прям красавица, но стоило только ей заговорить, как черты ее лица оживали и делали ее обворожительной, особенно на фоне кукольно-напудренного личика Веры. Ну и третий с половиной размер в глубоком декольте – глубоком, возможно, чтобы подчеркнуть его настоящность, – тоже говорил в ее, Иры, пользу.

– А я Макс, – начал я, церемониально поцеловав руку Иры и садясь на стул.

– Макс! Дружище! – хлопнул звучно, так, что задрожали стекла бокалов на столе и в ближайших окнах, меня по спи-

не Игорь, вышибая из меня весь имеющийся в наличии дух, даже тот, что я приберегал на последнее предсмертное издыхание, – я уже рассказал девчонкам про наш смолл бизнес в Гоа.

– Аб... кхе... уф... буе... аб... пффффф... гкхм, – разразился я многозначительной тирадой, пытаюсь протолкнуть в легкие воздух. А потом, что есть силы, вдарил каблуком (люблю я классические туфли с твердым каблуком) под столом по ноге Игоря. Судя по тому, как он залился краской, точнее, судя по тому, что этот процесс был виден даже в тускло-скудно-романтическом освещении ресторанчика, ему такое угощение пришлось по душе.

Ира, откинувшись на спинку стула, внимательно изучала нас обоих, переводя взгляд то на одного идиота, то на другого полудурка. Вера же, то ли притворяясь, то ли будучи на самом деле простушкой, с тревогой смотрела на нас... ну на Игоря по большей части.

– Мальчики, все хорошо? – обеспокоенно спросила Вера.

– Да, Верунь, э-э-э, все отлично. Москиты тут ядреные, в ногу щас один тяпнул, паршивец, я думал половину ступни утащит в свое гнездо... Ну так вот, наш смолл бизнес; я уже рассказал девушкам о том, как мы гоняем партии шмоток сюда из Тая, так что можешь не строить из себя важную шишку и нефтяного магната по совместительству.

– Понял я уже, Игорь, что мой план провалился. А вы, дамы? Давно в Гоа?

– Ой, ну мы тут всего на недельку, только вчера прилетели, – радостно зашебетала Вера, – Но мы пока в шоке... в шоке... Тут такие крысы! И коровы! И грязь такая!

– А где вы остановились? – вмешался я.

– Там такое название сложное, – Вера надула губки, – я даже и не запомнила.

Я перевел взгляд на Иру, но та лишь кивнула, будто подтверждая слова подружки, что название и правда сложное, и его не выговорить обычному человеку.

– Что будете заказывать? – обратился подошедший официант.

– Дамы? – посмотрел я вопросительно на девушек.

– Мы уже заказали, – ответила Ира.

– Пасту с морепродуктами, ананасовый фреш и бокал ром-колы, плиз.

– Бур-бур-бур, – спросил что-то официант.

– Пардон?

– Бур-бур-бур-бур? – переспросил официант.

– Он спрашивает, заказ нести по готовности или в каком-то определенном порядке, – с улыбкой пояснила мне Ира

– А, итс окей, сэнкс, ин э спот дисижн, – махнул рукой я, в надежде, что официант понял, о чем речь.

– Окей, сэр.

– Были уже на море? – продолжил светскую беседу Игорь.

– Были, да, – огорченно отозвалась Вера, – но там такие волны кошмарные, красный флаг на пляже. . .

– Ну-у-у, да. Но, кстати, среди местных бытует поверье, что если прикоснуться к белому человеку, то тебе непременно будет счастье на ближайший год, – с элегантностью слона перескочил на новую тему Игорь, – или прикоснуться, или сфотографироваться с белым. Некоторые аборигены с материковой части специально копят деньги, чтобы приехать и сделать заветную фотку.

– Да, мы видели несколько таких, – с вежливой улыбкой отозвалась Ира.

– Но таким красавицам-моделям как вы, местные должны платить не меньше сотни баксов за снимок, – то ли пошутил, то ли подкатил Игорь и посмотрел пристально на Веру, а та смутилась и потупилась. Ира же, как я наблюдал краем глаза, сидела с той же неизменно-вежливой улыбкой.

– Не только местные, но и все туристы на пляже должны были попадать в обморок от восхищения, увидев вас двоих на пляже в купальниках, – Игорь положил руку на пальчики Веры. И та подняла глаза на Игоря, посмотрев на него с каким-то щеняче-восторженным обожанием, а я перевел взгляд на Иру, тасуя в голове варианты, о чем с ней можно поговорить, пока те двое мысленного раздевают друг дружку, но не находил ничего годного.

– Две ром-колы, два Лонг-Айленд, – прозвучал над ухом голос официанта.

Фух, можно выдохнуть. Погодите-ка? Лонг-Айленды? Девушкам?!

– Ну, за встречу! – провозгласил тост Игорь, в чьей величественной тени мое самолюбие скукоживалось стремительнее, чем котенок, которого засасывает в пылесос.

– И за прекрасных дам! – решил реабилитироваться хоть частью я.

– А за не дам – не пьем! – гоготнул Игорь.

Вера прыснула от звонкого смеха, тут же заслонившись кулачком, а Ира все так же вежливо улыбнулась. Ситуация, ну прям как этот ресторан, – классика!

Мы выпили.

– Пойдем, дружище, покурим! – обратился ко мне Игорь.

– Ну, пойдем, эм-м-м, дружище.

Удалившись за пределы освещенного фонарями пространства, Игорь раскурил свой Кемел, я затеплил Ротманс, привезенный еще из Москвы.

– Что скажешь? Клевых девчонок я подцепил? Вера, чур, моя!

– Твоя-твоя, она ни на кого, кроме тебя, не смотрит. Мне кажется, что погасни сейчас вдруг свет, она бы тебе прям на столе отдалась.

– Думаешь?

– А ты не видишь, что ли?

– Вижу, но... ну ты знаешь.

– Знаю, братко, еще как знаю. А вот с Ирой, наверное,

облом.

– Почему? Я там им такую историю в уши налил, Станиславский бы волосы на жопе рвал и кричал бы: «Верю! Верю!»

– Да ну, ты знаешь...

– Давай я заткнусь и дам тебе выговориться. Только ты не запри мне все. И Верунчика не соблазняй!

– Верунчик и так твоя, а Ира... я все жду, когда ей этот балаган надоест, и она помашет нам ручкой.

– Да? – озадаченно почесал репу Игорь. Только сейчас я понял, что тот после пляжа темпов не сбавлял, и на самом деле нажрался конкретно. – Ну, давай, чтоб и тебе, и мне обидно не было, мы Верунчика на троих распишем.

– Фу блин, фу нафиг! Ты больше никому такого не предлагай. Я сам о себе позабочусь!

– Пойдешь на пляж вздрочнуть, что ль? – заржал Игорь.

– Вот! Вот что ты за долбаный человек, а?! Но за подгон спасибо. За то, что подумал не только о себе, но и товарище.

– Эт пожалуйста, – разулыбался Игорь.

Мы вернулись за столик, чтобы обнаружить принесенные за время нашего отсутствия тарелки. Обычно в компании, да и поодиночке тоже, я постоянно попадаю с выбором блюд. Когда все хомячат сочный бургер, оказываюсь с тарелкой помидор и худосочной булочкой, или когда у всех гора мяса, а у меня блюдо картохи, и только катохи, по размерам боль-

шее, чем все поля Беларуси вместе взятые. Но в этот раз карма неудачных заказов отыгралась на Вере. Отчасти потому, что я, будучи человеком ученым, теперь заказывал что-то более-менее знакомое, отчасти потому, наверное, мне наконец-то повезло.

В общем, у Иры была дымящаяся тарелка кальмаров и креветок, у Игоря тоже что-то аппетитно пахнущее, у меня пасточка с морепродуктами, а у Веры огромный котел риса, залитого красным, несомненно, сверхострым соусом с плевочком мяса поверх всей инсталляции.

Вера озадаченно ковыряла вилкой свалившееся на нее богатство, с которого можно было половину Китая накормить, но которое есть белому человеку было определено невозможно, и грустно вздыхала.

Игорь, несмотря на алкоголь, мигом оценил ситуацию и в мгновение ока поменялся с Верой тарелками, а потом, поймав за рукав пытавшегося проскользнуть мимо официанта, потребовал поскорее принести еще порцию чего-то там в пряном соусе, но обязательно нот спайси. Официант, кивнув, умелькнул на кухню, Игорь же принялся наяривать рис, как не в себя, но на пятой вилке с горкой поперхнулся и схватился за стакан с ромом.

– Остро? – вежливо осведомилось Ира.

– Да ты что! Рис обалденный! Пища богов! У тебя, Верунчик, отменный вкус!

– У меня? Где? – подняла удивленно-непонимающий

взгляд от тарелки Вера. По ословелым глазам стало понятно, что девчонку уже подразвезло.

– А, хи-хи-хи, ты про блюдо, – уже не пряча за руками лицо, почти глупо засмеялась девушка.

«Давай, мужик, жги», – мысленно перекрестил я Игоря, потому что было понятно, о какой пошлости подумала Вера.

Но Игорь, почему-то, не въехал.

Я еще раз наступил ему каблуком на ногу, но уже мягче, чисто чтоб привлечь внимание и, не особо скрываясь, сделал страшную мину, указывая на Веру.

Тут до Игоря дошло, и он сначала рассмеялся, и ответил:

– И про блюдо, и про элегантный наряд, и про вкус твоих губ (романтик, блин, сельского уезду).

– Но ты же... – Игорь не дал Вере договорить и, уверенно посмотрев ей в глаза, взяв большим и указательным пальцем ее подбородок, другую руку положив на шею (для верности, видимо), притянул ее к себе.

Как они там сосались я досматривать не стал, а предложил Ире отойти покурить, поскольку заметил, что также за время нашего с Игорем отсутствия на столе появились не только блюда, но и Вог с ментолом и зажигалкой, чья принадлежность Ире, а не Вере, не вызывала сомнений.

– Ага, давай, – мне кажется, произошедшее сейчас немного выбило Иру из колеи ее вежливой полуулыбки.

Мы отошли на то же место, где до этого стояли с Игорем, и молча затянулись сигаретами.

– Пипец, – первой нарушила молчание Ира.

– А что?

– Да ничего! Никуда больше с Верой не поеду. Что ни поездка, так мигом в зюю, а оглянуться не успеешь, как уже с кем-то сосетя или того хуже. Я уже устала коротать ночи на улице, ожидая, пока она там свои хотелки удовлетворит!

– Ну, может, не хватает ей чего в обычной жизни.

– Да хватает. Ты мне уж поверь. И муж, и любовников толпа. Но ей все нейдет. Коза, блин.

И разговор закончился. И я стоял и думал, отчего так злится Ира? Ну, ведь явно же не в одной похотливости подруги дело. Раз она не первый раз путешествует с ней, значит, уже знает, чем дело кончится.

Наверное, дело не в этом. А в том, что Ире в очередной раз достался второй приз. Я, то есть в данном контексте. И она, наверное, из-за того и злится. Ведь если посмотреть со стороны, то диспозиция такая: альфа Игорь увлекает за собой двух девушек, положив глаз на смазливую Веру. То ли интуитивно, то ли по опыту поняв, что ее будет уломать попроще. Ну а мне, как омеге, достается Ира... которая тоже запала на Игоря и ругает себя за то, что производит впечатление более гордой и несговорчивой и в итоге не получает того, что хочет. Прямо парад неудачников какой-то.

Ай, да пусть это все... конём! Нет! Слонём! Не сильно-то и хотелось!

Когда мы вернулись за столик, Игорь с Верой усиленно

опустошали свои тарелки.

– Мужик, жри побольше морепродуктов! В них вся сила, – громким шепотом, чуть наклонившись ко мне, сказал Игорь и, бросив беглый взгляд на Иру, спросил: «Ну че, уломал свою? Я бы и ту, и эту, если честно, давай, может, замутим чо?»

– Нет, друже, не уломал, – ответил я, флегматично затягиваясь сигаретой прямо за столиком и осушая мощным глотком весь, почти не тронутый, стакан ром-колы. – Официант! – громко рявкнул на весь зал по-русски, так, что все в зале обернулись в нашу сторону, – официант! Еще!

– Очуметь ты дерзкий! – удивился моей выходке Игорь. – А так сразу и не скажешь.

– Знаешь что, братко, – я схватил голову Игоря за виски и стукнул по его лбу своим, – вали-ка ты отсюда со своей Верочкой. Вот тебе мое благословление, – мы еще раз стукнулись лбами, – и не путай мне карты. Я. Всегда. Играю. Один.

– Ого! Дай верхнюю пять!

– Че?! Че эт за фигня?! – воззрился я на высоко поднятую ладонь Игоря. – А! Врубил! – и отбил «верхнюю пять».

Уже уходя, Игорь наклонился ко мне и громким шепотом сказал: «Братуха-а-а, как проспидишься айда на пляж! С меня опохмел! И удачи тебе!» – на этих словах он распрямился, подмигнул Ире, и на негнущихся ногах, придерживая Веру за попку, удалился в ночь.

– Не переживай, – подбодрил я Иру, у Игорька отдельная жилплощадь с балконом и душем, думаю, автопилот выведет его именно туда, и спать на улице тебе не придется.

– Спать на улице? – переспросила Ира; она провожала взглядом удалявшуюся парочку и, видимо, записывала мои слова, чтобы прослушать их позже. Я тоже так делаю иногда, когда не могу отвлечься на слова собеседника. Пока одна половина моей бедовой головы решает текущую задачу, другая запоминает все в точности, что мне говорят и когда задача решена, я просто проматываю в голове «запись», пытаюсь понять, что же от меня хотели.

– Да! Именно! О том я и говорю! Соседку свою с моим корешем ты до утра не увидишь. Так что можешь топать в свой номер со спокойной душой.

«Второй номер, значит», – проговорил я уже про себя. По взгляду Иры мне все было понятно. Догадки мои подтвердились. Все действительно так и было, как я предполагал. Гран-при сегодняшнего вечера, статуэткой Золотой жеребец, был признан Игорь.. Вера увела его у Иры, пользуясь своей сговорчивостью и непосредственностью, Ире остался второй номер, которым она брезговала. И пусть она катится с такими выкладками в преисподнюю или в любую дыру, откуда она вылезла.

Принесли ром-колу.

С новыми глотками божественного напитка и с новыми затяжками сигареты начал мыслить более трезво. Парадокс. В сухом остатке, таком же сухом, как дно моего нового бочала, – «Эй! Официант! Ван мор!» – я зол не на Иру: девчонка не виновата в том, что я такой неудачник. Я зол именно на себя. И пока мой Титаник не отправился кормить рыб, а он отправится по этому адресу всенепременнейше, я себя, мудака косноязычного, знаю.

Так вот, пока мои акции еще хоть чего-то стоят, нужно превратить мое сокрушительное фиаско во что-то менее фиаскичное. В легкое пораженьице, например. Ну что мне стоит?

– Итак, Ира, остались только ты и я на этом поле брани. Они сошлись не на жизнь, а на совесть, – боже, мужик, ты что, вообще, несешь?!

– Ну, как-то так, да, – легко пожала плечами Ира. Я рассмотрел ее подробнее. Серые, в то же время с темно-синим глаза, плечи... очаровательные, демонстрируемые кофточкой, которая их не закрывает. Глубокое декольте, в котором потонуло немало линкоров, как я чувую, не то, что пассажирский лайнер-неудачник моего сознания. И лицо. В первую очередь все же лицо. Черты лица правильные, почти греческие, как у античных статуй. Но живые! Меняются постоянно под влиянием и желанием хозяйки. Глядя на нее, на-

чинаешь чувствовать себя каким-то варваром... крестьянином, от сохи оторвавшимся и случайно зашедшим в приемную графини. Глядя на Иру понимаешь, что такая девушка, таких благородных кровей, тебе точно не по зубам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.